

В.А.Уткин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ САНКЦИИ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

www.penalreform.org

Penal Reform International
Москва, 2013

В.А.Уткин

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ САНКЦИИ
В РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Penal Reform International
Москва, 2013

В.А. Уткин,
*доктор юридических наук,
профессор, директор Юридического института
Национального исследовательского
Томского государственного университета.*

Penal Reform International

Head Office
60-62 Commercial Street
London E1 6LT
United Kingdom

Telephone: +44 (0) 207 247 6515

Email: info@penalreform.org

www.penalreform.org

PRi Московский офис

Угловой переулок, дом 2,
Москва, 127055
Российская Федерация

Телефон: +7 499 250 6464

Электронная почта:
vsergeyeva@penalreform.org

© Penal Reform International, 2013
© В.А.Уткин, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Общие сведения.....	4
Отдельные виды наказаний	20
Штраф	20
Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью	23
Обязательные работы	28
Исправительные работы.....	33
Ограничение свободы.....	36
Принудительные работы.....	46
Конфискация.....	52
Условное осуждение	56
Заключение	60
Примечания.....	64

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

На рубеже третьего тысячелетия Россия занимала первое место в мире по числу заключённых на 100 тыс. человек общего населения¹. Условия содержания в местах лишения свободы во многом оставались неудовлетворительными, а число заключенных в целом превышало возможности следственных изоляторов и исправительных учреждений. В то же время расширение применения альтернативных санкций уже тогда рассматривалось не только в качестве средства сокращения переполненности учреждений уголовно-исполнительной системы и сокращения расходов на её содержание, но и как важное направление реформы уголовного правосудия, придания ей более гуманного, социально-ориентированного характера.

Этот курс был намечен уже в процессе разработки и принятия нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, хотя здесь российский законодатель не всегда был последователен.

Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу в большинстве его положений с 1 января 1997 г., в ст. 44 предусматривал 12 видов уголовных наказаний. Из них четыре (лишение свободы на определённый срок, пожизненное лишение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части и арест) связаны с нахождением осужденного в условиях изоляции от общества. Прочие восемь видов наказаний такой изоляции не предусматривали. При этом закон предусматривал и предусматривает возможность применения к виновным таким альтернативным наказанию мер уголовной ответственности, как условное осуж-

дение (ст. ст. 73,74 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ)².

Кроме того, в Уголовном кодексе есть ряд норм об освобождении от уголовной ответственности: освобождение в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК)³. Наиболее широкие дополнительные правовые возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания предусмотрены Уголовным кодексом в отношении несовершеннолетних. Это, помимо прочего, применение к виновным принудительных мер воспитательного воздействия (ст. ст. 90, 91 УК) и направление правонарушителей в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органов управления образованием (ст. 92 УК).

Исполнение всех уголовных наказаний, а также условного осуждения и отсрочки исполнения наказания регулируется Уголовно-исполнительным кодексом РФ, вступившим в силу с 1 июля 1997 г.⁴

Вместе с тем уже с момента введения в УК новой системы наказаний не все их виды применялись на практике. Наказание в виде смертной казни в связи со вступлением России в январе 1996 г. в Совет Европы, с подписанием ею Протокола № 6 1983 г. о запрете смертной казни с сентября 1996 г. в Российской Федерации не исполняется, а с 1999 г. (согласно двум решениям Конституционного Суда 1999 и 2009 гг.) и не назначается судами.

И поныне не введены в действие нормы Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов о наказании в виде ареста. Последний должен отбываться в специальных учреждениях – «арестных домах». Ввиду больших финансово-экономических затрат они так и не были построены и едва ли будут созданы в будущем.

В силу ряда организационных и экономических причин в течение семи лет после вступления в силу Уголовного кодекса не были введены в действие его нормы о таком альтернативном наказании, как обязательные работы (аналог бесплатных общественно-полезных работ за рубежом). Оно стало применяться лишь с начала 2004 года.

В 2003 г. законодатель исключил из числа наказаний конфискацию имущества. В 2006 г. она была возвращена в Уголовный кодекс (ст.ст. 104¹-104³), но уже не в качестве наказания, а как иное правовое последствие преступления («иная мера уголовно-правового характера»). Однако исполнение такой конфискации, в отличие от исполнения наказания, Уголовно-исполнительный кодекс не регулирует.

Примечательна в этом отношении судьба такого альтернативного наказания, как ограничение свободы. В его первоначальном варианте оно должно было занимать «промежуточное» место между лишением свободы (отбываемом в изоляции) и мерами, не связанными с изоляцией от общества. Предполагалось исполнять это наказание в так называемых «исправительных центрах», где осужденные проживали бы в специальных общежитиях без охраны, но под контролем администрации органов исполнения наказания и должны были организованно привлекаться к труду⁵.

Между тем средств на создание исправительных центров государство специально не выделяло, а экономические перспективы массового привлечения осужденных к труду не были благоприятны. Поэтому сроки введения в действия ограничения свободы, уже начиная с 1996 г., неоднократно переносились, а в декабре 2009 г. под этим наименованием в Уголовный кодекс было введено совершенно иное наказание, по его правовому содержанию наиболее близкое к условному осуждению и в целом – к режиму probation.

К сожалению, ситуация с «ограничением свободы» в версии 1996 г. повторилась с иным наказанием, которое, по замыслу его инициаторов, должно также составлять альтернативу лишению свободы. В декабре 2011 г. в УК были введены нормы о так называемых «принудительных работах» (ст. 53¹). Последние, так же, как и ограничение свободы в версии 1996 г., предполагается исполнять в «исправительных центрах» (ст.ст. 60¹-60² УИК РФ). Однако, законодатель сразу отсрочил введение в действие принудительных работ с 1 января 2013 г. Впоследствии отсрочка продлена до 1 января 2014 г.

О практике применения уголовных наказаний и иных связанных с ними мер в России говорит судебная статистика. Она отражена в *таблице № 1*, составленной на основе ежегодных официальных данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации применительно ко всем осужденным за 2008-2012 г.г.

Не предвзято всех возможных выводов, обратим внимание на следующее. Статистика последних пяти лет свидетельствует, что наказание в виде реального лишения свободы уже не превалирует в судебной практике, как это было в советский период и в первые годы перед принятием нового УК РФ. Кроме того, можно видеть стабильное, хотя и незначительное снижение доли осужденных к реальному лишению свободы (с 33,8% в 2008 г. до 28,8% в 2012 г.). Это, снижает количество лиц в местах лишения свободы. Если в 1995 г. их было 1018 тыс. чел., то в 2008 г. – 887 тыс. чел., а на 1 февраля 2013 г. – 697 тыс. Наиболее существенно (более чем в 2 раза) снизилось число лиц в следственных изоляторах и тюрьмах. В 1995 г. – 295 тыс. чел., в 2008 – 145 тыс. чел., на 1 февраля 2013 г. – 113 тыс. чел.

Таблица № 1.

**Общая статистика судимости
в Российской Федерации за 2008-2012 г.г.⁶**

Годы Наказание	2008		2009		2010		2011		2012	
		%		%		%		%		%
Пожизненное лишение свободы	71	0,008	71	0,008	74	0,008	60	0,007	84	0,01
Лишение свободы на срок	316146	33,8	295963	32,8	276570	32	236901	29,5	218539	28,8
Ограничение свободы	0	0	0	0	7893	0,9	11761	1,5	26886	3,5
Обязательные работы	52379	5,6	67187	7,5	81530	9,4	92170	11,5	77904	10,2
Исправительные работы	46229	4,9	43000	4,8	41446	4,8	42885	5,3	75507	9,9
Лишение права как основное наказание	476	0,05	433	0,05	493	0,06	682	0,08	448	0,06
Штраф	133787	14,3	132433	14,7	127578	14,8	117868	14,7	117565	15,5
Условное осуждение к лишению свободы	368983	39,4	344266	38,2	312995	36,2	285890	35,6	224075	29,5
Условное осуждение к исправительным работам	17568	1,9	18201	2	16045	1,9	13786	1,7	18455	2,9
Отсрочка (ст. 82 УК РФ)	1852	0,2	1814	0,2	2212	0,26	1845	0,23	1784	0,2

Годы Наказание	2008		2009		2010		2011		2012	
		%		%		%		%		%
Конфискация (ст. 104-1)	511	0,05	587	0,07	679	0,08	671	0,08	565	0,07
Дисциплинарная воинская часть							718	0,09	417	0,09
Ограничение по военной службе							142	0,02	148	0,02
Лишение права занимать определенные должности как дополнительное наказание	8290	0,9	10180	1,1	11812	1,4	12052	1,5	11947	1,6

Вместе с тем, сравнение российской практики со статистикой зарубежных (и прежде всего европейских) стран говорит о том, что в России реальное лишение свободы в его относительном выражении все же пока применяетсякратно чаще, чем на Западе.

Таким образом, свыше 70% осужденных в России ныне не лишается свободы. Одновременно снижается доля осужденных к лишению свободы условно (39,4% в 2008 г. и 29,5% в 2012 г.). Оставшийся контингент перераспределяется в пользу реальных альтернативных наказаний, что само по себе уже позитивно. Это не штраф (14,3% в 2008 г. и 15,5% в 2012 г.), не лишение права как основное наказание (0,05% и 0,06% соответственно), не исправительные работы (4,9% и 5,3%)⁷ и отнюдь не широко разрекламированное при его введении в 2010 г. ограничение свободы. К нему в

2010 г. было приговорено 0,9% всех осужденных, а в 2011 г. – всего 1,5%, а в 2012 г. – 3,5%.

Главным резервом сокращения реального лишения свободы, помимо условного осуждения, постепенно, но весьма стабильно, становятся обязательные работы (5,6% в 2008 г., 10-11% в 2011-2012 г.г.), и это обстоятельство требует особого внимания к их исполнению.

Ничтожно мало места в судебной практике занимают пожизненное лишение свободы, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью как основное наказание, условное осуждение к исправительным работам, конфискация имущества, содержание в дисциплинарной воинской части, ограничение по военной службе.

Обратимся к аналогичным данным в отношении осужденных несовершеннолетних. Они приведены в *таблице №2*.

Таблица 2.

**Статистика судимости несовершеннолетних
в Российской Федерации за 2008-2012 г.г.**

Годы Наказание	2008		2009		2010		2011		2012	
		%		%		%		%		%
Лишение свободы на определенный срок	16071	22,7	11437	21,2	8567	19	6311	17	5309	17
Ограничение свободы	-	-	-	-	483	1,1	675	1,8	990	3,2
Обязательные работы	8090	11,4	7094	13,2	6893	15,3	6573	17,7	6572	21
Исправительные работы	1372	1,9	833	1,5	577	1,3	434	1,2	513	1,6

Годы \ Наказание	2008		2009		2010		2011		2012	
		%		%		%		%		%
Лишение права занимать определенные должности как основное наказание	-	-	3	0,005	1	0,002	10	0,03	1	0,003
Штраф	7061	10	5730	10,6	4675	10,4	4285	11,5	3879	12,4
Условное осуждение к лишению свободы	36688	51,7	27705	51,4	23065	51,2	18422	49,5	13385	42,9
Условное осуждение к исправительным работам	1630	2,3	1123	2,1	774	1,7	504	1,4	582	1,9
Направление в специальные учреждения	510	0,7	497	0,92	447	1	439	1,2	346	1,1
С применением других принудительных мер	1693	2,4	1367	2,5	1311	2,9	952	2,5	908	2,9
Лишение права занимать определенные должности как дополнительное наказание	52	0,07	56	0,1	71	0,15	62	0,16	54	0,17

Приведенные выше цифры свидетельствуют, что количество осужденных несовершеннолетних за истекшее пятилетие снизилось примерно вдвое. Доля несовершеннолетних, осужденных к реальному лишению свободы, снизилась с 22,7% в 2008 г. до 17% в 2012 г. Одновременно сократи-

лась доля несовершеннолетних среди всех осужденных к реальному лишению свободы (с 7,6% в 2008 г. до 5,7% в 2011 г. и 2,4% в 2012 г.). В итоге последовательно сокращается количество осужденных в воспитательных колониях для несовершеннолетних (в 2008 г. – 8,6 тыс., в 2010 г. – 4,1 тыс., а на 1 февраля 2013 г. – 2,3 тыс. чел.).

Таким образом, свыше 80% несовершеннолетних осужденных осуждается без реального лишения свободы. В основном – условно (хотя доля условного осуждения среди альтернативных мер снижается). Всё же несовершеннолетним условное осуждение назначается чаще, нежели взрослым (в 2012 г. соответственно 42,9% и 29,5%). Дело в том, что в отношении совершеннолетних суд имеет относительно более широкие возможности применения реальных альтернативных наказаний (штрафа, исправработ). Так, в 2011 г. штраф был назначен 14,7% взрослых осужденных и 11,5% несовершеннолетних; исправительные работы – 5,3% взрослых и 1,2% не достигших 18 лет. Вместе с тем обязательные работы назначаются несовершеннолетним относительно чаще, чем взрослым, поскольку суды, всё же, там, где это возможно, предпочитают реальное альтернативное наказание условному осуждению. Чрезвычайно редко (в 10 раз реже, чем ко взрослым) применяется к несовершеннолетним отсрочка исполнения наказания (ст. 82 УК). И это понятно, так как указанная отсрочка применима к беременным женщинам либо к родителям малолетних (до 14 лет) детей.

Хотя доля осужденных без лишения свободы среди всех осужденных за последние годы повысилась с 66% в 2008 г. до 70-71% в 2011-2012 г., общее их количество заметно сократилось. Это обусловлено снижением общего числа осужденных в России (с 935642 чел. в 2008 г. до 760032 чел. в 2012 г.). В итоге численность осужденных без изоляции от

общества, стоящих на учете в специализированных государственных органах – уголовно-исполнительных инспекциях – также снижается. Представление об этом дает *таблица № 3*, составленная на основании статистики Федеральной службы исполнения наказаний⁸.

Таблица № 3.

Численность осужденных без изоляции от общества, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях⁹.

Годы		2008	2009	2010	2011	2012
Численность						
Прошло по учетам		1124350	1091149	1052492	998751	955285
Состояло на учете в конце отчетного периода		558346	534409	491257	474775	465740
В том числе осужденные	К обязательным работам	12867	15329	18822	21419	21375
	К исправительным работам	32702	30554	29211	30007	50122
	К ограничению свободы	0	0	6444	11539	24285
	К лишению права занимать определенные должности	22301	22580	23713	22260	21799
	Условно	503048	477539	425179	399081	356135
	С отсрочкой отбывания наказания	7428	8407	7888	7971	8125

Численность и структура контингента лиц, стоящих на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях, в целом (с отмеченными оговорками) отвечает структуре применения

мер без лишения свободы. Среди последних, хотя и с некоторым снижением доли на первом месте, – осужденные условно (90% в 2008 г. и 77% в 2012 г.). Среди осужденных к реальным альтернативным наказаниям (но с большим отрывом от условного осуждения) – осужденные к исправительным работам (5,7% в 2008 и 10,8% в 2012 г.). Доля осужденных условно и к исправительным работам (в 2008–2011 г.г.) снижалась в основном за счет более широкого применения судами бесплатных обязательных работ (от 2,3% стоящих на учете в 2008 г. до 4,4% в 2011 г.). В 2012 г. в связи с изменением законодательства возросло число осужденных к исправительным работам. Оно составило 75507 чел.

В октябре 2010 г. Распоряжением Правительства России была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹⁰. Она определила прежде всего основные пути реформирования пенитенциарных учреждений в направлении перехода от исправительных колоний к тюрьмам. Один из её разделов (Раздел 5) посвящен вопросам исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Предполагается, что эффективнее применение альтернативных мер в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, «должно обеспечивать защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Для достижения указанных целей Концепцией предполагается, в частности, расширение видов альтернативных наказаний, совершенствование законодательства об их исполнении, придание социальной направленности деятельности уголовно-исполнительных инспекций, при-

влечение к их работе органов местного самоуправления, общественности.

Вместе с тем уже на стадии разработки проекта Концепции многие её положения подвергались критике. Среди прочих высказывались упреки в том, что Концепция, разработанная силами ведомства, не обоснована экономически, в должной мере не опирается на научные данные, в том числе – на результаты Всероссийской переписи осужденных к лишению свободы 2009 г., на судебную практику¹¹. Концепция неизбежно затрагивала вопросы закрепленной в Уголовном кодексе системы наказаний и уголовно-судебной политики, однако представители законодательных органов, Генеральной Прокуратуры, Верховного Суда, Министерства внутренних дел к непосредственной разработке проекта Концепции привлечены не были. В результате многие её существенные положения остаются нереализованными, а её принятие, как свидетельствует статистика, не оказало почти никакого влияния на судебную практику. К примеру, в начале 2010 г., ряд средств массовой информации, пропагандируя Концепцию и со ссылкой на руководство ФСИН, прогнозировали, что к новому наказанию – ограничению свободы – будет ежегодно осуждаться свыше 100 тыс. человек, и за счет этого «тюремное население» резко сократится¹². Приведенная выше таблица свидетельствует, что из всех стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях к ограничению свободы в 2010 г. были осуждены всего по России 6444 чел. (1,3%), а в 2011 – 11539 чел. (2,4%), в 2012 г. – 24285 чел. (5,2%).

Несколько изменившее структуру судимости наказание в виде обязательных работ было введено примерно за год до утверждения Концепции (Федеральным законом от 27 декабря 2009 г.). Что же касается широко разрекламированных, но так пока и не введенных в действие принуди-

тельных работ, то это наказание Концепцией вообще не предусмотрено. Налицо значительная рассогласованность современной уголовной (в том числе – судебной) и уголовно-исполнительной политики. На протяжении всего периода действия Уголовного кодекса, начиная с 1996 г., было принято свыше 120 федеральных законов, вносящих в него изменения и дополнения. Значительная часть новелл принималась спонтанно, без должного криминологического, экономического, пенологического обоснования. Многие статьи УК, в том числе относящиеся к наказаниям, менялись по несколько раз. Аналогичная ситуация в области уголовно-исполнительного законодательства. Уголовно-исполнительный кодекс РФ за 17 лет его существования менялся свыше 60 раз. В итоге рассматриваемое законодательство приобрело серьезные недостатки системного свойства, на что неоднократно обращали внимания ученые и практики.

В области предусмотренной уголовным законом системы наказаний в числе наиболее значимых недостатков следующие:

- недостаточные проработка и учет социально-криминологических основ системы наказаний в целом, фактическое игнорирование в ней типовых особенностей отдельных категорий преступников (например, при исправительных работах до 2012 г., ограничении свободы в ред. 2010 г.);
- «избыточность» ряда уголовных наказаний (это касается, в частности, четырех самостоятельных видов лишения свободы, двух видов наказаний, ограничивающих трудовые права граждан, наличие в законе неприменяемой в течение более чем полутора десятилетий смертной казни);
- введение в Уголовный кодекс заведомо «мертворожденных» наказаний (арест);

– фактическое игнорирование ряда основополагающих международных актов (например, введение в УК принудительных работ);

– несоответствие между легальной и фактической репрессивностью (строгостью) некоторых видов наказаний (штраф, в особенности в его новых крупных размерах, обязательные работы);

– неоправданная конкуренция между наказаниями и иными сходными мерами уголовно-правового характера (ограничение свободы в ред. 2010 г. и условное осуждение);

– недостаточно конкретное или неполное определение содержания и оснований назначения ряда наказаний (ограничения свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью);

– противоречие между легальной и фактической (назначаемой судами) системами мер уголовно - правового характера (в том числе чрезмерно высокая доля условного осуждения в судебной практике);

– отсутствие необходимой «ступенчатости» в системе уголовных наказаний, в том числе отсутствие наказания, «промежуточного» между «свободой» и не «свободой»;

– несоответствие идеальной (отраженной в законе) и реальной (применяемой на практике) логики назначения наказаний и применения иных уголовно правовых санкций;

– нарушение важных принципов уголовного права при определении содержания и порядка реализации некоторых наказаний (ограничение свободы в ред. 2010 г., лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, штраф в отношении несовершеннолетнего осужденного);

– недостаточная обоснованность, противоречивость и непоследовательность многих законодательных новелл (2003, 2006, 2010, 2011 гг.).

Отмеченные недостатки закреплённой в законе системы наказаний и практики их назначения усугубляются несовершенством организационно-правового механизма их исполнения.

Это выражается, в частности:

- в противоречиях между законом (УИК РФ) и подзаконными нормативными актами Минюста, регулирующими исполнение большинства альтернативных мер;

- в «избыточности» подзаконного-нормативного регулирования (дублирование инструкциями Минюста положений УИК РФ, наличие нескольких инструкций по совпадающим предметам правового регулирования);

- в отсутствии необходимой унификации (в законе и подзаконных актах);

- в отставании Уголовно-исполнительного кодекса от общеправового законодательства (например, от Федерального закона 2003 г. о местном самоуправлении, который изменил структуру органов самоуправления);

- в неучете в законе и подзаконных актах изменения структуры управления в уголовно-исполнительной системе (например, преобразование уголовно-исполнительных инспекций в филиалы);

- в присутствии бюрократии постоянном стремлении к непрерывному «реформированию», что ведет к неуверенности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, к размыванию их кадрового ядра, к потере многими сотрудниками значимых ориентиров.

С учетом изложенного очевидна необходимость перехода от спонтанных «косметических» усовершенствований системы наказаний к её глубокой модернизации в Уголовном кодексе с учетом современных политических и социально-экономических условий, изменяющейся криминоло-

гической обстановки и на основе принципа необходимой достаточности¹³.

Первый его аспект означает, что в системе наказаний не должно быть пробелов и противоречий, препятствующих полноценной реализации уголовно-правовых санкций. Поэтому видов наказаний не должно быть больше, нежели это диктуется потребностями уголовной политики и особенностями отдельных категорий личности виновных. Второй аспект – это то, что не должно существовать фактически дублирующих друг друга санкций, в силу этого подверженных «девальвации», и препятствующих полноценной их реализации. С учётом изложенного обратимся к конкретным альтернативным мерам.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ

Штраф

В ст. 44 УК, закрепляющей систему наказаний по нарастающей степени их строгости, штраф находится на первом месте, следовательно, расценивается законодателем как наименее суровое наказание. По российскому закону штраф может быть основным и дополнительным наказанием. По частоте его назначения взрослым осужденным как основного наказания штраф находится на втором месте среди реальных наказаний, уступая первое место лишь лишению свободы. В то же время в России штраф как уголовное наказание пока применяется гораздо реже, чем в Европе. В отношении несовершеннолетних штраф занимает третье место по частоте его применения, уступая также обязательным работам. Доля осужденных к штрафу на протяжении ряда лет остается стабильной (14-15% среди совершеннолетних и 10-12% среди несовершеннолетних).

Согласно ст. 46 УК РФ штраф в России исчисляется тремя способами. Наиболее распространенным в судебной практике является определение штрафа непосредственно в твердой денежной сумме – от пяти тысяч до двух миллионов рублей (в зависимости от санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса). Гораздо реже сумма штрафа исчисляется судом, исходя из размера заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет. Для несовершеннолетних пределы штрафа гораздо ниже: от одной до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного несовершеннолетнего за период от двух недель до шести месяцев.

В 2011 г. Уголовный кодекс был дополнен новым способом исчисления штрафа: по преступлениям коррупционной направленности (взяточничество, коммерческий подкуп) штраф исчисляется кратно сумме коммерческого подкупа или взятки. При этом он устанавливается до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не менее 25 тысяч рублей и не более 500 миллионов рублей.

Указанные обстоятельства не позволяют сейчас, как это было в 1996 г., считать штраф наиболее мягким наказанием. И это, отрицательно сказывается на его исполнении. В совершенствовании механизма исполнения штрафа – важный резерв повышения его эффективности.

В соответствии со ст. 16 УИК РФ наказание в виде штрафа исполняется судебными приставами – исполнителями по месту жительства (работы) осужденного. Вместе с тем судебные приставы и органы управления ими не входят в уголовно-исполнительную систему. Федеральная служба судебных приставов – самостоятельная исполнительная структура, как и ФСИН, подведомственная Министерству юстиции, и действующая на основании специальных законов: Федерального закона РФ 1997 г. «О судебных приставах» и Федерального закона РФ «Об исполнительном производстве» 2007 г. (с последующими их изменениями и дополнениями).

Отдельные положения о порядке исполнения наказания в виде штрафа содержатся также в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст.ст. 31-32) и Уголовно-процессуальном кодексе (ст.ст. 397-398).

Главная проблема штрафа – его относительно низкая исполнимость. На практике в срок, установленный Уголовно-исполнительным кодексом (30 дней), добровольно уплачивается примерно половина назначенных судом штрафов, причем не самые крупные¹⁴. Около трети из оставших-

ся осужденных получают отсрочку или рассрочку его уплаты (до 5 лет) и каждый четвертый штраф из неуплаченных взыскивается Службой судебных приставов принудительно.

Помимо объективных причин такого положения (недостаток средств) и субъективных (уклонение от уплаты штрафов) сказывается и несовершенство правового механизма исполнения штрафа. Дело в том, что принудительное взыскание штрафа судебными приставами – исполнителями ныне допустимо, как правило, только если штраф является дополнительным наказанием. При штрафе, назначенном в качестве основного наказания злостное уклонение от его уплаты может влечь лишь его замену иным наказанием. Причём замена штрафа лишением свободы также, по общему правилу, не допускается, кроме осужденных по статьям УК коррупционного характера. Но поскольку все действующие наказания, не связанные с реальным лишением свободы, фактически мягче штрафа, замена штрафа этими наказаниями практически не является сколько-нибудь значимой угрозой.

Повышение уровня материального благосостояния граждан в совокупности с развитием правового механизма исполнения штрафов позволит в перспективе повысить долю штрафов в структуре назначаемых судами мер с 14-15% до 20-25%. Постановка осужденных к штрафу (в период срока отсрочки или рассрочки его уплаты) на учет в уголовно-исполнительных инспекциях создаст организационно-правовые предпосылки проведения с осужденными профилактической работы, что будет способствовать предупреждению с их стороны рецидива преступлений.

Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью

По российскому законодательству (ст. 47 УК РФ) это уголовное наказание состоит в запрещении «занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной деятельностью». Оно отвечает системе санкций, рекомендуемых Токийскими правилами, (п. «с» ст. 8.2), а в перечне наказаний, закреплённых в ст. 44 УК (п. «б»), стоит на втором месте после штрафа, считаясь, таким образом, одним из наименее строгих наказаний.

Рассматриваемое наказание (далее – «лишение права») может назначаться как в качестве основного (от года до пяти лет), так и в качестве дополнительного (от шести месяцев до трех лет, а в специально предусмотренных статьями Особенной части УК случаях – до двадцати лет).

Лишение права как основное наказание судами применяется крайне редко (0,05-0,08% всех осужденных взрослых и ещё реже – несовершеннолетних). Несколько чаще оно назначается как дополнительное наказание (1-1,5% в отношении взрослых и менее процента – несовершеннолетних осужденных). Среди всех, стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, осужденные к лишению права – одна из наименее многочисленных категорий (в 2012 г. – 21799 чел.).

На практике осужденные наиболее часто лишаются управления транспортными средствами; на втором месте по частоте применения – лишение права занимать должности на государственной (в том числе правоохранительной) службе, затем идет лишение права заниматься деятельностью в сфере торговли, финансов, жилищно-коммунального

хозяйства, медицинской деятельностью, а также лишение права охоты и рыбной ловли.

Несмотря на то, что лишение права традиционно для системы наказаний и всегда в той или иной мере применялось в судебной практике, сколько-нибудь значимой самостоятельной альтернативой лишению свободы оно не выступает. Об этом говорит приведённая выше статистика и ряд иных обстоятельств.

На фоне редкого применения его судами наказание в виде лишения права чаще всего назначается в качестве дополнительного, причём чаще всего – к лишению свободы (реально или условно). В первом случае оно не служит альтернативой изоляции от общества, а, напротив, усиливает её. При условном осуждении, штрафе и других не связанных с изоляцией от общества мерах лишение права само по себе также никак не стимулирует их применение, выполняя главным образом предупредительные задачи.

Есть предложения об исключении этого наказания из числа основных ввиду его редкого применения. Предлагается также вовсе изъять лишение права из числа уголовных наказаний, придав ему характер и значение «меры безопасности» как правового последствия соответствующего преступления. И эти суждения не лишены оснований, тем более что позиция законодателя по этому вопросу противоречива.

В соответствии со ст. 47 УК лишение права – это уголовное наказание. Оно, имея установленную законом и договором продолжительность во времени (срок) должно заключаться в «предусмотренном настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод виновного лица (ст. 43 УК)». Мера (количество и качество) наказания должна быть справедливой, то есть определяться тяжестью содеянного с учетом личности виновного и условий его жизни (ст. 60 УК РФ). Эти известные постулаты «классической»

теории наказания в действительности во многом игнорируются законодателем применительно к наказанию в виде лишения права.

Срок наказания. Его пределы указаны в законе, причем как в Общей части, так и в Особенной применительно к отдельным видам преступлений. Однако Уголовный кодекс содержит оговорку, что помимо этого срока, лишение прав как дополнительное к лишению свободы наказание распространяется и на срок отбываемого осуждённым лишения свободы. То есть реальный срок лишения права определяется в конечном счете не приговором суда, а фактической длительностью срока лишения свободы.

В 2009 г. В УК РФ появился сверхдлительный срок лишения права как дополнительного наказания – до двадцати лет. Это с одной стороны, уже не позволяет считать лишение прав вторым по мягкости уголовным наказанием в Российской Федерации, а с другой – представляется явно несправедливым применительно к лицу, совершившему преступление. Конечно, государство должно юридически ограждать себя, общество и других лиц от связанных с совершенным преступлением возможных проявлений антисоциальной активности виновного. Но делать это посредством сверхдлительного наказания, с сохранением за ним в течение десятков лет статуса осуждённого – несправедливо. Как по отношению к нему самому (ибо такой статус сам по себе ограничивает его в иных, позитивных социальных сферах), так и по отношению к его родным и близким. Едва ли можно, полагать, что дети осужденного смогут, например, претендовать на должности судей, прокуроров, на службу в полиции и т.д. Стоит задуматься и о том, как осужденный все эти годы будет стоять на учете в уголовно-исполнительной инспекции.

Содержание наказания. В соответствии со ст. 43 УК оно должно определяться в нормах Кодекса. При лишении права наряду с указанными в законе должностями и видами деятельности ст. 47 УК допускает также возложение судом на осужденного запрета заниматься и «иной деятельностью». Какой именно, Уголовный кодекс не определяет, по-видимому, отдавая решение данного вопроса правоприменителю. Едва ли это отвечает закрепленному в ст. 3 УК принципу законности: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Если понимать и применять лишение права как наказание, то нарушение принципа законности усматривается и в особенностях порядка его назначения. Согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части...». Однако ч. 3 ст. 47 УК РФ гласит, что лишение права может назначаться в качестве дополнительного вида наказания «в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса..., если с учётом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определённой деятельностью». Тем самым лишение права фактически недвусмысленно понимается законодателем прежде всего как превентивная мера, а не в качестве меры уголовного наказания.

Наконец, об этом свидетельствуют и предусмотренные законом особые юридические последствия уклонения осу-

жденного от соблюдения возложенных на него судом запретов. При злостном уклонении от отбывания наказания в российском уголовном и уголовно-исполнительном праве обычно (но с разной степенью эффективности) используется два варианта. Во-первых, замена наказания более строгим (штраф, обязательные или исправительные работы) или замена условного осуждения к лишению свободы реальным сроком наказания. Во-вторых, уголовная ответственность за злостное уклонение от отбывания наказания (ч. 1. ст. 314 УК при злостном уклонении от отбывания ограничения свободы). При уклонении от отбывания лишения прав законодатель эти варианты не использует. Однако в срок наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью (ст. 36 УИК РФ).

Кроме того, судя по практике применения законодательства об административной ответственности, лишение права управления транспортным средством как административное наказание (ст.ст. 3.8; ч. 3 ст. 32.7 КОАП РФ), допускающая неограниченное сложение при его исполнении, фактически многократно по его срокам (порой, до 50 лет и выше) превышает максимальный срок лишения прав как уголовного наказания.

В этой связи целесообразно в перспективе исключить лишение прав из системы уголовных наказаний, предусмотрев её в УК либо в общеотраслевом (конституционном, трудовом, административном и т.п.) законодательстве в качестве «меры безопасности».

Обязательные работы

Исходя из логики построения ст. 44 УК, наказание в виде обязательных работ считается законодателем более строгим, чем штраф и лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, но менее суровым, чем исправительные работы, ограничение свободы и принудительные работы. Это наказание аналогично упомянутому в п. «L» ст. 8.2 Токийских правил наказания в виде бесплатных общественных работ и сходными с ним наказаниям в законодательстве большинства европейских стран. В советских уголовных кодексах такого наказания не предусматривалось, оно появилось лишь в УК РФ 1996 г. (ст. 49). Порядок его исполнения определяет Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст.ст. 25-30), а исполнение возлагается на уголовно-исполнительные инспекции.

Сущность этого наказания состоит в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно-полезных работ. Вид работ и объекты, где они должны отбываться, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. На практике осужденные обычно привлекаются к труду на предприятиях и в организациях жилищно-коммунального хозяйства, в муниципальных торговых предприятиях на работах по благоустройству, на несложных работах по обслуживанию и ремонту.

Вначале обязательные работы устанавливались на срок от 60 до 240 часов (для взрослых), в 2011 г. их предельный срок был увеличен до 480 часов. Для несовершеннолетних эти сроки снижены (от 40 до 160 часов), а характер работ должен быть посильным для осужденных.

Обязательные работы не могут назначаться инвалидам первой и второй группы, беременным женщинам, женщинам с детьми до трёх лет, военнослужащим.

Несмотря на перспективность этого наказания (в особенности, в условиях безработицы), и его соответствие международным стандартам, наказание в виде обязательных работ не сразу было введено в действие. С 1996 г. оно было отсрочено дважды: в начале до 2001 г., в дальнейшем – до 2004 г. Ему препятствовали две причины. Первая состояла в том, что, хотя УК РФ предусматривая бесплатность обязательных работ, Уголовно-исполнительный кодекс вначале возлагал на работодателей обязанность перечисления средств за выполненные осужденными работы в местный бюджет. В результате, помимо приобретения организационных хлопот, работодатели лишались стимула к использованию труда осужденных. Эта ситуация подвергалась критике, и в 2003 г. из закона указанная норма была исключена. В результате обязательные работы стали бесплатными как для осужденных, так и для работодателей, что дало возможность ввести их в действие.

Вторая причина заключалась в том, что, поскольку, в советских УК этого наказания не существовало, органы исполнения наказания – уголовно-исполнительные инспекции – не имели опыта его исполнения. Не была сформирована и подзаконная нормативная правовая база их исполнения. На преодоление этих препятствий был нацелен эксперимент, проводившийся в 2000-2001 гг. в трёх регионах России (Рязанской, Самарской и Томской областях) под эгидой международной организации «Penal Reform International» и при содействии руководства уголовно-исполнительной системы России¹⁵. Эксперимент в целом показал неплохие результаты, что дало возможность приступить к практическому применению (назначению и исполнению) этого

наказания. Оно было введено в действие с января 2004 г. и ныне довольно активно используется в судебной практике.

В последние годы доля осуждённых к обязательным работам постоянно растёт, причём как среди взрослых (с 5,6% в 2008 г. до 10,2% в 2012 г.), так и среди несовершеннолетних (с 11,4% в 2008 г. до 21% в 2012 г.). За истекший период почти вдвое возросло число осужденных к обязательным работам, стоящих на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях.

Возрастание в числе альтернативных мер доли обязательных работ как реального не связанного с лишением свободы наказания в целом следует оценить положительно. Но практика их применения высветила и ряд проблем, препятствующих их наиболее эффективной реализации. Уголовно-исполнительные инспекции нередко испытывают трудности в поиске объектов бесплатного труда осужденных, поскольку количество муниципальных предприятий относительно невелико, причём в связи с их акционированием неуклонно снижается. Частные предприниматели не столь активны в предоставлении осужденным работы, несмотря на бесплатность. Дело в том, что юридически до сих пор не решены вопросы обязательств работодателей по выплате страховых платежей, по возмещению осужденным вреда, полученного ими при выполнении трудовых обязанностей.

В условиях обширных российских территорий и несовершенной транспортной инфраструктуры возникает проблема эффективного контроля за выполнением осужденными работы со стороны уголовно-исполнительных инспекций. В особенности, в сельских районах, нередко занимающих площади в десятки тысяч квадратных километров, где расположены поселения, удаленные от районных центров на десятки километров.

В силу отмеченных факторов уголовно-исполнительные инспекции и их филиалы, расположенные именно в районных центрах, вынуждены значительную часть непосредственного контроля за выполнением осужденными обязательных работ делегировать работодателям, что само по себе чревато нарушениями с их стороны и также требует контроля со стороны инспекций. Его, однако, не всегда удаётся своевременно осуществлять. В итоге осужденные, порой, фактически оказываются в распоряжении работодателей, на которых возлагается и учёт, и характер выполняемой осужденными работы. Это, помимо прочего, противоречит Конвенции № 29 МОТ о принудительном или обязательном труде 1930 г., которая, в ст. 2, запрещая принудительный или обязательный труд, не включает в него, в частности, «всякую работу или службу, требуемую от какого – либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под контролем или надзором государственных властей и что указанное лицо **не будет передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ**» (выделено мной. – В.У.).

По степени их строгости обязательные работы ныне фактически мягче штрафа, в особенности, если последний исчисляется десятками тысяч рублей и выше. Поэтому они не могут выступать действенной угрозой при злом уклонении от уплаты штрафа.

Что же касается злого уклонения осужденного от отбывания самих обязательных работ, то здесь также есть проблема. Согласно ст. 49 УК РФ в таком случае они заменяются принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или лишения свободы за восемь часов неотбытой части обязательных работ.

Принудительные работы пока в действие не введены, поэтому фактически возможна замена неотбытой части обязательных работ только лишением свободы. Несложный подсчёт ($480:8=60$) приводит к выводу, что максимальный срок лишения свободы, который может грозить осужденному, злостно уклоняющемуся от отбывания обязательных работ, – это всего два месяца. На деле такая угроза не является сколько-нибудь значимой для многих осужденных к обязательным работам, в особенности для отбывавших ранее лишение свободы либо находившихся в период следствия и суда в следственном изоляторе. Есть даже факты, когда подобные осужденные отказываются выполнять обязательные работы, демонстративно обращаясь в суд с заявлением о направлении их в тюрьму.

Кроме того, добросовестная работа осужденных к этому наказанию пока никоим образом не стимулируется возможностью досрочного освобождения от отбывания обязательных работ, что тоже затрудняет воспитательно-профилактическую работу уголовно-исполнительных инспекций.

В этой связи для обеспечения эффективности обязательных работ в УК РФ целесообразно внести следующие изменения:

- увеличить максимальный срок обязательных работ до тысячи часов, что сделает это наказание более строгим, поэтому более конкурентоспособным реальному лишению свободы и в конечном итоге будет способствовать сокращению применения последнего;

- установить возможность сокращения срока обязательных работ судом по представлению уголовно-исполнительной инспекции или ходатайству осужденного при добросовестной отработке им не менее половины часов, совершении административных деликтов и соблюдении требований уголовно-исполнительной инспекции;

– перейти к «штрафной» замене обязательных работ лишением свободы при злостном уклонении осужденного от их отбывания из расчета «один день лишения свободы за один час неотбытых обязательных работ».

Решение этих проблем позволит сделать обязательные работы (как самостоятельное наказание или разновидность более широкого наказания) ещё более привлекательной и эффективной альтернативой как реальному лишению свободы, так и условному осуждению.

Исправительные работы

В Токийский правилах этот вид альтернативного наказания прямо не предусмотрен (в отличие, например, от обязательных работ). Однако его наличие в российском Уголовном кодексе не противоречит Токийским правилам, поскольку п «L» ст. 8.2. Правил допускает в числе альтернативных санкций «любой другой вид обращения, не связанный с тюремным заключением».

Исправительные работы как уголовное наказание довольно широко применялось на практике в советский период: к ним приговаривались 22-25% всех осужденных. Ныне доля осужденных к исправительным работам гораздо ниже. В 2008-2011 гг. она составляла 4-5%. Здесь сказалось несколько причин. Во-первых, снижение числа рабочих мест для трудоустройства осужденных к исправительным работам, не имеющих места работы. Во-вторых, непоследовательность законодателя, трижды менявшего свое отношение к категориям осужденных, которым могут назначаться исправительные работы. По УК РСФСР 1960 г. это наказание могло отбываться осужденными как по их основному месту работы (таких было подавляющее большинство), так и в иных местах, куда осужденные направлялись инспекцией.

При этом ни место жительства осужденных, ни их образ жизни оставались неизменными.

С принятием нового УК РФ 1996 г. исправительные работы стали назначаться лишь осужденным, имевшим место работы. Видимо, из нежелания породить конкуренцию между осужденными и безработными. В 2003 г. кодекс принципиально изменил позицию по этому вопросу, и к исправительным работам стали приговариваться только не имеющие места работы. Это сузило пределы применения исправительных работ и серьезно ухудшило социально-криминологический облик осужденных к исправительным работам, стоявших на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях.

Прислушавшись, наконец, к многочисленной критике, законодатель в конце 2011 г. вновь вернулся к порядку назначения исправительных работ, существовавшему до 1996 г. Ныне согласно ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденные, имеющие основное место работы, отбывают исправительные работы по основному месту работы. Не имеющие основного места работы отбывают это наказание на рабочих местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями.

Исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет.

В отличие от обязательных работ, которые являются бесплатными и выполняются по числу рабочих часов, исправительные работы оплачиваются в соответствии с существующими системами оплаты труда, а труд осужденных (характер, продолжительность, условия, режим работы и т.д.) регулируется общим законодательством о труде. Осуж-

денный состоит в штате предприятия, учреждения. Его работа засчитывается в трудовой стаж.

В то же время из заработка осужденного производятся ежемесячные удержания в размере, установленном приговором суда (от пяти до двадцати процентов). Сокращен ежегодный оплачиваемый отпуск таких осужденных. Он составляет 18 рабочих дней. Кроме того, осужденному запрещено увольнение с работы по собственному желанию без разрешения уголовно-исполнительной инспекции и он обязан регулярно являться в инспекцию по вызову.

В последние годы (с 2008 по 2011) число осужденных к исправительным работам, стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, оставалось примерно на одном уровне (30-32 тыс. чел. ежегодно). С назначением исправительных работ в 2012 г. и осужденным, имеющим место работы, это количество в 2012 г. возросло до 50 тыс. чел. и, по-видимому, впредь будет увеличиваться.

В числе проблем этого наказания, требующих решения для повышения их роли как альтернативы лишению свободы требуют решения следующие:

- предоставление уголовно-исполнительным инспекциям права самостоятельно определять места работы осужденным к исправительным работам, не занятым трудом, в том числе путем наделения инспекций в установленном законом порядке функциями работодателя;

- введение стимула в виде возможности условно-досрочного освобождения от исправительных работ, к примеру, если осужденный отработал не менее половины их срока и доказал своё исправление;

- изменение пропорции замены исправительных работ лишением свободы в случае злостного уклонения от их отбывания: от пропорции «один день лишения свободы за три

дня неотбытых исправительных работ» к пропорции «день за день».

Наконец, имея в виду очевидное сходство исправительных работ и обязательных работ по объекту правонарушения (трудовые права), единство их целей как целей наказания (ст. 43 УК) целесообразно в перспективе объединить эти наказания в одно с тремя его разновидностями, применяемыми судом в зависимости от особенностей личности осужденного и образа его жизни. В итоге в Уголовном кодексе должно появиться наказание в виде исправительных работ трех видов:

- исправительные работы по месту работы осужденного;
- исправительные работы в местах, определяемых органами, исполняющими наказание;
- бесплатные исправительные работы (которые ныне именуются «обязательными»).

Подобное объединение будет способствовать повышению роли исправительных работ как альтернативы реальному лишению свободы. С учетом имеющегося и имевшегося ранее опыта применения этого наказания в будущем вполне вероятен рост удельного веса осужденных к этому наказанию (в его интегративном виде) до 25-30%, что также позволит заметно снизить число заключенных в России.

Ограничение свободы

Оно предусмотрено ст. 53 Уголовного кодекса РФ и в системе наказаний, закреплённых в ст. 44 УК, стоит последним в числе действующих наказаний, не связанных с реальным лишением свободы. Следовательно, предполагается законодателем как наиболее суровое из них.

Между тем с момента принятия УК РФ российскому законодательству известно два вида ограничения свободы, а точнее – два совершенно разных по их юридическому содержанию наказания одного и того же названия.

По УК РФ в ред. 1996 г. ограничение свободы – это наказание сроком от года до пяти лет, которое должно было отбываться осуждёнными в специальных учреждениях уголовно-исполнительной системы – исправительных центрах. В них осужденные должны были проживать без изоляции, но под надзором и с определёнными режимными ограничениями, установленными Уголовно-исполнительным кодексом. Кроме того, на них возлагалась обязанность трудиться в местах, определяемых администрацией исправительного центра. Хотя федеральное бюджетное финансирование уголовно-исполнительной системы в первое десятилетие XXI века постоянно и существенно возрастало (например, с 48 млрд. руб. в 2004 г. до 156 млрд. в 2009 г.), за прошедший с момента принятия Уголовного кодекса период исправительные центры по финансово-экономическим причинам так и не были созданы. В связи с этим неоднократные отсрочки введения в действие норм об ограничении свободы в версии 1996 г. завершились их отменой в 2009 г.

Новое наказание, введенное в декабре 2009, также именуемое «ограничением свободы» – совершенно иное, не предполагающее компактного проживания осужденных под надзором в «исправительных центрах» и обязательного привлечения их к труду. По его содержанию оно гораздо ближе условному осуждению.

Ограничение свободы в версии 2009 г. может применяться как основное наказание (от двух месяцев до четырёх лет) и как дополнительное к наказаниям в виде лишения свободы и принудительных работ (сроком от шести месяцев до двух лет). Оно не может назначаться военнослужа-

щим, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации.

Применение этого наказания не ведет к изменению места жительства осужденных и поэтому отбывается ими и исполняется уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства.

Содержание наказания в виде ограничения свободы образует ряд ограничений, устанавливаемых осужденному. В течение срока суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции может частично отменить либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения.

Ограничения, устанавливаемые осужденным, направлены во-первых, на предупреждение новых преступлений, а во-вторых, на обеспечение контроля за их поведением со стороны уголовно-исполнительных инспекций. Два из них должны устанавливаться судом обязательно. Это запрещение изменения места пребывания или жительства без согласия уголовно-исполнительной инспекции, а также запрет выезда за пределы территории соответствующего муниципального образования, обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации от одного до четырёх раз в месяц.

В качестве факультативных возлагаемых судом обязанностей в ст. 53 УК – запрет уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определённое время суток, запрет посещать определённые места в пределах территории муниципального образования, запрет посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в них.

Надзор за отбыванием ограничения свободы, со стороны уголовно-исполнительных инспекций, заключается в наблюдении и проверках осужденного по месту его работы, учебы и жительства. Порядок деятельности инспекций, по-

мимо норм УИК РФ (ст. ст. 47¹-60), определяется специальной Инструкцией, утвержденной приказом Министра юстиции в 2010 г.

Примечательно, что впервые в России при реализации альтернативных мер закон (ст. 60 УИК) предоставляет уголовно-исполнительным инспекциям право использовать при ограничении свободы средства «электронного мониторинга», в том числе так называемые «электронные браслеты»¹⁶. Конкретные средства такого электронного мониторинга определены постановлением Правительства РФ в марте 2010 г. Широко пропагандируемая ведомством система электронного мониторинга подучётных лиц в последние годы фактически превратилась в своеобразный «бренд» ограничения свободы, а степень его внедрения стали оцениваться как показатель успешной деятельности уголовно-исполнительных инспекций¹⁷.

В 2013 г. система электронного мониторинга действовала в 80 из 83 субъектах Российской Федерации, и ею было охвачено свыше 9 тыс. осужденных к ограничению свободы. Однако и само ограничение свободы, и практика его реализации породили целый ряд проблем. В итоге в России ограничение свободы так и не заняло предсказанное ему место среди альтернативных наказаний. Во всяком случае, то, которое ему предрекали представители ФСИН и аккредитованные ведомством журналисты¹⁸. При введении ограничения свободы в действие прогнозировалось, что к нему ежегодно будет осуждаться более ста тысяч человек, что позволит существенно разгрузить места лишения свободы¹⁹. Для этого законодатель расширил круг преступлений, за которые возможно применение ограничения свободы. В 2009 г. ограничение свободы как основное наказание дополнительно к существовавшим 66 статьям УК было введено в 21 статью УК и как дополнительное наказание – ещё в 22 статьи Уголовного кодекса.

Тем не менее, введение ограничения свободы не оправдало столь оптимистических надежд. За три года после введения его в действие ограничение свободы остается на одном из последних мест среди назначаемых судами наказаний, составляя 1-2% среди всех наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Причем как в отношении взрослых, так и несовершеннолетних осужденных. Число осужденных к ограничению свободы, стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, увеличивается. В 2010 г. оно составило 6444 чел., в 2011 – 11539 чел., в 2012 г. – свыше 24 тыс. человек²⁰. Но с учетом сроков этого наказания (до четырех лет как основного) очевидно, что рост числа осужденных, стоящих на учете, в значительной мере идет за счет прибавления к уже стоящим на учете вновь осужденных, хотя его применение судами тоже растёт. Реализация прогнозов ФСИН уже в 2012 г. должна была привести к тому, что число осужденных к ограничению свободы на учете в уголовно-исполнительных инспекциях уже в 2012 г. должно было составлять не менее 300 тыс. человек. Сейчас же эта цифра в 12 раз меньше. Среди всех стоящих на учете в инспекциях осуждённые к ограничению свободы составляют чуть более 5%. Разделив общее количество осужденных к ограничению свободы на число уголовно-исполнительных инспекций, в России (около 2,4 тыс.) приходим к выводу, что в среднем в каждой инспекции состоит на учете всего 10 осужденных к ограничению свободы, тогда как осужденных условно – в 15 раз больше. В этой связи едва ли можно без иронии воспринимать статьи в ведомственной печати, о том, что ограничение свободы на практике показало свою эффективность²¹, и тем более, - что с появлением этого наказания «Россия действительно встала на путь гуманизации и либерализации законодательства»²².

Переход законодателя к новой версии «ограничения свободы» (в отличие от отбываемого в исправительных центрах) привел к тому, что данное наказание на практике неизбежно стало конкурировать с условным осуждением. Причем с явным преимуществом последнего. Этого, наверное бы, не произошло, если бы при разработке и введении ограничения свободы законодатель оставил условное осуждение только в его «классическом» варианте, без специальных профилактических обязанностей и запретов. Последние, по сути, сходны с обязанностями и запретами при ограничении свободы. К примеру, согласно ст. 73 УК, на условно осужденного суд вправе возложить обязанности «не посещать определенные места». Аналогичный запрет суд вправе возложить на осужденного и при ограничении свободы. Однако в отличие от ограничения свободы условное осуждение – давно известно судебной практике и широко ею применяется. Кроме того, по сфере его возможного применения оно гораздо шире, нежели ограничение свободы. Так, условное осуждение может быть назначено при осуждении к лишению свободы на срок до восьми лет с испытательным сроком до пяти лет, а сходное с ним по содержанию ограничение свободы – только если оно прямо указано в санкции статьи Особенной части УК и на срок до четырёх лет.

Таким образом, ограничение свободы в версии 2009 г. как основное наказание явно уступает условному осуждению, не став действенной альтернативой лишению свободы. Более того, практика показывает, что те относительно немногие лица, которые осуждаются к ограничению свободы, по их социально-криминологической характеристике сходны именно с осужденными условно. В сущности, внедрение ограничения свободы в последние годы фактически происходило не путём сокращения числа и доли заключенных, а за счет сокращения осужденных условно. В итоге

возникла своеобразная «альтернатива альтернатив», что едва ли позитивно, учитывая принцип «необходимой достаточности» уголовно-правовых санкций. Что касается ограничения свободы как дополнительного наказания, то его сфера применения ещё более узка. Как дополнительное к лишению свободы ограничение свободы может применяться по статьям УК, как правило, предусматривающим относительно длительные сроки лишения свободы (5-10 лет и выше). Учитывая это, сколько-нибудь широкого исполнения ограничения свободы как дополнительного наказания с 2010 г. пока нет. Отдельные случаи его реализации уголовно-исполнительными инспекциями связаны с условно – досрочным освобождением осужденных из мест лишения свободы.

В то же время реализация ограничения свободы как дополнительного к лишению свободы наказания ещё более бесперспективна. Прежде всего потому, что эта мера по её профилактическому содержанию и потенциалу неизбежно конкурирует с уголовно-досрочным освобождением.

Согласно ст. 79 УК, суд, применяя условно-досрочное освобождение, вправе возложить на осужденного ряд профилактических обязанностей и запретов, аналогичных возлагаемым при условном осуждении. К примеру, не посещать определенные места, не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа и т.п. Указанные обязанности и запреты освобожденный должен выполнять и соблюдать в течение испытательного срока, которым служит неотбытая часть срока лишения свободы. При злостном уклонении от их выполнения освобождённый может быть возвращен в места лишения свободы.

Контроль за условно-досрочно освобожденными согласно Федеральному закону 2010 г. «О полиции» ныне

осуществляют сотрудники полиции²³. Контроль за осужденными к ограничению свободы – сотрудники уголовно-исполнительной инспекции. Условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы осужденного с дополнительным наказанием в виде ограничения свободы порождает массу организационных проблем.

Значение ограничения свободы как дополнительного наказания стало ещё более двусмысленным при принятии в России в 2011 г. Федерального закона «Об административном надзоре, за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»²⁴.

Данный институт также имеет четкую профилактическую направленность. Надзор назначается судом по месту освобождения осужденных и реализуется органами внутренних дел. По их содержанию обязанности и запреты поднадзорных, также очень близки содержанию наказания в виде ограничения свободы, что на деле даже порождает жалобы граждан в Конституционный Суд РФ о неконституционности административного надзора²⁵.

В целом по сравнению с дополнительным наказанием в виде ограничения свободы условно-досрочное освобождение и административный надзор имеют целый ряд неоспоримых преимуществ, что делает ограничение свободы в этом качестве явно неперспективным. Причем в этом ясно отдают себе отчет и суды, и уголовно-исполнительные инспекции, и полиция.

Неудачи ограничения свободы как альтернативного наказания усугубляются недостатками организации его исполнения. Ведь количество предусмотренных им обязанностей и запретов требует постоянного и систематического контроля со стороны сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Учитывая региональные особенности деятельности инспекций (особенно, в сельских районах с их

разбросанностью населенных пунктов, удаленностью, малоразвитой инфраструктурой) нельзя надеяться на эффективность такого контроля во всех или в большинстве случаев. В итоге на практике не единичны случаи, когда сотрудники инспекций в районах субъектов Федерации (краёв, областей) неофициально обращаются в суды с просьбой сократить до минимума назначение наказания в виде ограничения свободы в пользу штрафов или условного осуждения. Подобные обращения небеспочвенны и как говорит статистика, далеко не всегда безрезультатны.

Как говорилось выше, при введении ограничения свободы особые надежды возлагались на так называемый «электронный мониторинг». По данным ФСИН, в 2013 г. свыше 9 тыс. осужденных к ограничению свободы сопровождался электронным мониторингом. За период электронного наблюдения с помощью «электронных браслетов» было зафиксировано свыше тысячи нарушений со стороны осужденных, около 700 осужденных ограничение свободы заменено на наказание в исправительном учреждении²⁶.

Непосредственно перед введением ограничения свободы, сопряжённого с электронным мониторингом, ряд ученых, в том числе автор этих строк, предостерегали от увлечения технократической стороной этого вопроса, обращая внимание на непроработанность «электронного мониторинга» с криминологической, уголовно-политической, организационно-правовой и экономической сторон²⁷. К сожалению, многие из этих опасений подтвердились.

Практика показала, что «электронные браслеты» крайне дороги, затратны, а система их обслуживания и сопровождения несовершенна и уязвима. В погоне за отчетными показателями и в целях обеспечения их сохранности сотрудники уголовно-исполнительных инспекций нередко предпочитают применять их преимущественно отнюдь не к

осужденным из «группы риска», а напротив, к «проверенным», надежным. Это фактически дезавуирует саму идею «электронных браслетов» как средств интенсификации контроля, за наиболее склонными к правонарушениям. В итоге, как это нередко бывает в бюрократической системе, средство превратилось в цель.

Кроме того (и это во многом специфично для России), и здесь ведомственная бюрократия породила схемы, которые после отставки прежнего директора ФСИН стали достоянием общественности, средств массовой информации и даже основаниями для возбуждения уголовных дел. В частности, установлено, что в 2009-2012 г.г. на внедрение системы электронного мониторинга в России было выделено 4,5 млрд. рублей, из них только в 2010 г. – 850 млн. Стоимость поставленных избранной ФСИН фирмой «браслетов» и серверов оказались многократно выше, чем их аналогов у зарубежных и российских производителей. По сравнению со сходными средствами, используемыми в МВД, разница только в 2010 г. составила около 300 млн. рублей²⁸. При этом качество изготавливаемых приборов оставляет желать лучшего.

Среди привлекательных и, несомненно, позитивных сторон альтернативных мер традиционно отмечается их сравнительная дешевизна по сравнению с расходами на изоляцию осужденных в пенитенциарных учреждениях. Практика «электронных браслетов» в России, к сожалению, опровергает этот факт применительно к ограничению свободы. Если, опираясь на приведенные выше данные, разделить общую сумму финансовых затрат на «электронные браслеты» (4,5 млрд. руб.) на число осужденных, снабженных последними (свыше 9 тыс. чел.), приходим к выводу, что один такой осужденный стоит федеральному бюджету около 600 тыс. рублей. То есть гораздо выше, нежели осужденный в исправительном учреждении.

С учетом изложенного едва ли можно однозначно позитивно оценить трехлетний опыт ограничения свободы в России вообще и «электронного мониторинга», в частности. Положительную сторону, между тем, можно видеть в том, что сотрудники инспекций приобрели известный опыт работы с электронными средствами. Он, безусловно, окажется полезным при оптимизации их применения на основе их технического усовершенствования и более четкой их криминологической обоснованности. В перспективе «электронный мониторинг» должен занять свое место среди возможных средств профилактического контроля при всех мерах, не связанных с лишением свободы, но обязательно с учетом личности осужденных и «факторов риска».

Что же касается наказания в виде ограничения свободы в его действующем варианте, то оно, по нашему мнению, вполне может существовать лишь поддерживаемое искусственно, в том числе – наличием уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и периодическими информационными акциями. Однако - на периферии альтернативных мер и практически никак не влияя на объем реального лишения свободы. Некоторая польза этого наказания состоит в том, что оно в очередной раз продемонстрировало последствия непродуманных решений. К сожалению, дальнейшее развитие событий (в части введения наказания в виде принудительных работ) показало, что такой опыт не всегда учитывается законодателем.

Принудительные работы

В декабре 2011 г. в Уголовный кодекс РФ введена новая статья – ст. 53¹ «Принудительные работы». Причем в ч. 1 её это наказание сразу позиционируется как альтернатива лишению свободы за преступления небольшой или средней

тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые. Оно не должно назначаться несовершеннолетним, инвалидам первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам с детьми до трех лет, женщинам, достигшим 55 лет и мужчинам старше 60 лет, а также военнослужащим. Срок принудительных работ – от двух месяцев до двух лет.

Содержание этого наказания определяется в ч. 3 ст. 53¹ УК: «Принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы». Кроме того, из заработной платы осужденных к принудительным работам должны производиться удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов.

Одновременно в Уголовно-исполнительный кодекс РФ введена Глава 8¹ (ст.ст. 60¹-60²¹), подробно регламентирующая исполнение принудительных работ.

Столь подробная регламентация исполнения и отбывания принудительных работ, уступающая по степени её детализации только правовому регулированию отбывания наказания в виде лишения свободы, а по характеру регламентации с ней сходная, обусловлена тем обстоятельством, что действительные сущности содержание принудительных работ отнюдь не сводятся к упомянутому в ст. 53¹ УК привлечению осужденного к труду.

Ведь осужденные к принудительным работам должны отбывать наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах. По общему правилу, они должны находиться в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. При отсутствии такого центра на территории субъекта РФ – в иных исправительных центрах или даже в изолированных

участках исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры.

Между тем известно, что ранее (по УК РФ в ред. 1996 г.) исправительные центры предполагалось создать для отбывания совершенно иного наказания – ограничения свободы. Ст. 53 УК устанавливала, что «ограничение свободы заключается в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ними надзора».

Конечно, наказание, отбываемое в исправительных центрах, хотя и выступает некоторой альтернативой изоляции от общества, тем не менее, не вполне отвечает букве и духу альтернативных санкций, предусмотренных соответствующими международными актами. Его нет в ст. 8.2 Токійских правил. Формально Правила допускают и «любой другой вид обращения, не связанный с тюремным заключением (п. 1 ст. 8.2)». Однако по смыслу Правил такой вид обращения не должен предполагать отрыв осужденного от привычных условий существования. Более конкретна на этот счет позиция Европейских правил общественных (альтернативных) санкций и мер 1992 г. В Приложении (Глоссарии) Европейских правил говорится, что «термин «общественные санкции и меры наказания» относится к наказаниям и мерам, согласно которым правонарушитель остается в общине...». Этого явно нет при нахождении осужденных в исправительных центрах со строгими режимными требованиями.

Тем не менее, потребность в подобных учреждениях, занимающих промежуточную ступень между «свободой» и «несвободой», очевидна. И не только в аспекте сокращения реального лишения свободы, но и с учетом типовых свойств отдельных категорий преступников. В этом отношении

можно разделить всех осужденных на три категории: объективно нуждающиеся в отрыве от социальной среды и в изоляции от общества; нуждающиеся в отрыве от социальной среды, но не нуждающиеся в изоляции от общества; наконец, не нуждающиеся ни в отрыве от социальной среды, ни в изоляции от общества. Нетрудно заметить, что если применительно к первой и третьей категориям эти задачи так или иначе решаются лишением свободы в его разновидностях и существующими (включая условное осуждение) альтернативными мерами, то для второй категории адекватных мер ныне нет. До 1994 г. данную задачу решало условное осуждение с обязательным привлечением к труду (т. н. «химия»), предусмотренное ст. 242 УК РСФСР. В УК РФ 1996 г. эту «нишу» должно было занять ограничение свободы, отбываемое в исправительных центрах. Однако последние так и не были созданы, а, как говорилось выше, введенное в действие с 2010 г. «ограничение свободы» – это совершенно иное наказание, нежели по УК РФ 1996 г.

Ранее ряд учёных и практиков предлагали организовать исправительные центры на базе существующих в уголовно-исполнительной системе учреждений полузакрытого типа – колоний поселений. Условия отбывания наказания в них уже практически совпадали с правовой конструкцией режима исправительных центров, которая определялась Уголовно-исполнительным кодексом. Помимо прочего, это позволило бы сократить статистику заключенных на десятки тысяч человек. В 2013 г. в 130 колониях-поселениях России содержалось около 40 тыс. человек. Но колонии-поселения, как не предполагающие изоляцию от общества, – это и сейчас не места лишения свободы в полном смысле слова²⁹.

Однако законодатель не пошёл по пути преобразования колоний поселений в исправительные центры, отказавшись от последних в 2009 г. ввиду невозможности их создания и

сложностей организации массового привлечения осужденных к труду.

В этой связи довольно странной и спонтанной выглядит идея создания аналогичных исправительных центров, но уже для отбывания иного по названию уголовного наказания – принудительных работ.

Осознавая трудности в организации исправительных центров, законодатель вначале отсрочил введение норм о принудительных работах до 1 января 2013 г. Но за это время ни одного исправительного центра как самостоятельного учреждения так и не появилось, и последовала новая отсрочка – до 1 января 2014 г. Наивно полагать, что в текущем году средства на создание исправительных центров в бюджете уголовно-исполнительной системы появятся, ведь они даже не запланированы. Ввиду этого, судьба принудительных работ представляется неясной. Вероятнее всего, это наказание будет отменено.

В пользу принятия такого решения, говорит и, что это наказание («принудительные работы») формально противоречит целому ряду международных документов, запрещающих принудительный труд. Это Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 8), Европейская конвенция о защите прав человека и основ свобод 1955 г. (ст. 10), Конвенция № 29 Международной организации труда 1930 г. (ст. 4). Все эти документы ратифицированы Россией или Советским Союзом, правопреемницей которого является Российская Федерация.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Более того, ч. 2 ст. 37 Конституции прямо устанавливает: «Принудитель-

ный труд запрещён». Аналогичный запрет содержится и в ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации.

В истории советского уголовного права наказание в виде принудительных работ было предусмотрено в ст. 20 УК РСФСР 1922 года, а его исполнение осуществлялось по нормам ИТК РСФСР 1924 г. (Глава 4, ст. ст. 23-43). Однако от такой терминологии законодатель частично отказался уже в конце 30-х годов прошлого века, а окончательно – в середине 50-х годов, что было связано со вступлением в силу в 1932 г. упомянутой выше Конвенции МОТ № 29 и с её ратификацией СССР в 1956 году.

В этой связи попытки возродить принудительные работы в современных условиях провозглашения Россией приверженности правам человека безосновательны, а перспективы создания новых «исправительных центров» довольно призрачны.

Тем не менее, подобное наказание в качестве «промежуточного» либо адаптационного (для, освобождающихся из мест лишения свободы), криминологически необходимо. Здесь наиболее реалистичным и целесообразным решением, но требующим известной политической воли, в том числе в признании совершенных ошибок, выглядит следующее. Учитывая отмеченную выше малую применимость и фактическую бесполезность ограничения свободы в версии 2010 г., необходимо вернуться к ограничению свободы в исправительных центрах. В их качестве должны выступать реорганизованные колонии-поселения.

Что касается электронного мониторинга, то позитивные аспекты его опыта вполне пригодны при всех альтернативных мерах, длительных во времени, и прежде всего, в отношении осужденных из так называемой «группы риска».

Конфискация

В числе альтернативных мер Токийские правила рекомендуют «конфискацию или постановление о лишении права собственности на имущество (п. «L» ст. 8.2.)». Основания и пределы конфискации Токийские правила не раскрывают. Сравнительно-правовой и исторический анализ позволяет судить о существовании, как минимум, трех видов конфискации: общей, расширенной и специальной. Первый вид - общая конфискация предполагает лишение виновного права на имущество или часть имущества в качестве уголовного наказания за преступление. При этом происхождение конфискуемого имущества может быть и не связано с преступлением. Общая конфискация существовала в советском уголовном законодательстве и была сохранена в УК РФ 1996 г. в качестве дополнительного наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления из корыстных побуждений. Она могла назначаться судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК. Таких статей в УК РФ 1996 г. было 67.

Не подлежало конфискации имущество, необходимое осужденному или лицам, находящимся на его иждивении, предусмотренное Приложением к Уголовно-исполнительному кодексу. К примеру, дом или квартира, где виновный или его семья постоянно проживали, транспортные средства, специально предназначенные для передвижения инвалидов и т.п.

Исполнение такой конфискации регламентировалось Уголовно-исполнительным кодексом (ст.ст. 62-67). Причем, конфискации, согласно ст. 63 УИК, подлежали не только деньги и вещи потребительского характера, но и доля осужденного в общей собственности, установленном капитале коммерческих организаций, ценные бумаги, иные ценности,

в том числе находящиеся на счетах и во вкладах на хранении в финансово-кредитных организациях и банках, а также имущество, переданное осужденным в доверительное управление.

Порядок конфискации имущества осужденного, находящегося в уставном капитале коммерческих организаций, должен был определяться специальной инструкцией Министерством финансов по согласованию с Министерством экономики и Министерством юстиции РФ. Между тем, предусмотренная законом инструкция так и не была принята, в силу чего общая конфискация в России после принятия УК 1996 г. в основном применялась за общеуголовные должностные и корыстные преступления.

Вместе с тем в качестве дополнительного наказания она применялась достаточно широко. Судебные приговоры, предусматривавшие конфискацию, исчислялись ежегодно десятками тысяч. Ряд ученых и практиков предлагали в связи с этим расширить возможности общей конфискации путем применения её в качестве альтернативного лишения свободы основного наказания за экономические и коррупционные преступления³⁰. Другие считали, что, подобная конфискация противоречит международным актам и является угрозой для появившегося в стране класса крупных собственников.

Как известно, в борьбе сторонников и противников общей конфискации победили вторые. И, на наш взгляд, не случайно отмена уголовного наказания в виде конфискации имущества в декабре 2003 г. произошла спустя два месяца после ареста одного из известных российских олигархов в связи с обвинением в налоговых преступлениях.

Тем не менее, продолжала существовать специальная конфискация, применявшаяся по нормам Уголовно-процессуального кодекса (ст. 81) по решению суда в отношении

орудий, средств преступления и предметов, полученных преступным путём.

Отмена общей конфискации породила бурную общественную дискуссию. Противники отмены ссылались в том числе на ряд ратифицированных Россией международных актов, предусматривающих конфискацию как средство борьбы с преступностью (Конвенция ООН 2000 г. против транснациональной организованной преступности, Конвенция ООН 2003 г. против коррупции, Европейская конвенция 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию и др.)³¹. В итоге в 2006 г. была введена Глава 15¹ (ст.ст. 104¹-104³) «Конфискация имущества», но закреплявшая её не как уголовное наказание, а в качестве «иной меры уголовно-правового характера». В сущности, она ныне представляет собой разновидность специальной конфискации, поскольку распространяется:

- на деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате ряда преступлений, перечисленных в ст. 104¹ УК:

- на деньги, ценности и иное имущество, в которое указанное выше имущество было преобразовано;

- на деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

- на орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

Тем не менее, масштабы современного применения конфискации как «иной меры уголовно-правового характера» несопоставимы с её прошлым назначением судами в качестве дополнительного наказания. В 2003 г. (предшествовавшем отмене конфискации) она была назначена примерно 40 тыс. осужденных. В 2008 г. – 511 (0,05%), в 2009 – 587

(0,07%), в 2010 г. – 677 (0,08%), в 2011 – 671 (0,08%). Поистине «гора родила мышь».

В этой связи актуальны две группы предложений. Первые сводятся к возврату общей конфискации как уголовного наказания, в том числе в качестве основного, альтернативного лишению свободы. В существующих социально-политических условиях они едва ли реалистичны.

Суть предложений второго рода состоит в переходе от специальной конфискации к третьему её виду – расширенной конфискации с изменением презумпции и бремени доказывания. Существенным аргументом в данном споре выступает обращение к международным актам и опыту некоторых зарубежных стран. Так, в соответствии с п. 7 ст. 12 ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности «государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступления, доказало законность происхождения предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства». Аналогичное положение содержится в п. 8 ст. 31 Конвенции ООН против коррупции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. и ратифицированной РФ в марте 2006 г.

Из числа зарубежных стран можно упомянуть, к примеру, Норвегию. Согласно §34а Уголовного кодекса Норвегии «расширенное изъятие» может быть произведено, если нарушитель оказывается виновным в таком уголовно-наказуемом деянии, которое может принести значительный доход и осуждается к тюремному заключению. При расширенном изъятии может быть изъято всё имущество, принадле-

жавшее нарушителю закона, «если он не докажет, что имущество было добыто законным путем».

В современной России решение этого вопроса в большей степени находится в политической, а не в собственно уголовно-правовой плоскости. Но очевидно, что уголовно-правовая конфискация в её существующем виде неэффективна и даже (при наличии аналогичных уголовно-процессуальных средств) вредна, ибо создает лишь видимость борьбы с преступностью и ведет к неоправданной трате сил и средств.

Условное осуждение

Условное осуждение – институт, издавна применяемый в судебной практике России, в том числе в её советский период. «Условное наказание или наказание с отсрочкой» предусмотрено пунктом «g» ст. 8.2 Токийских правил. Российский законодатель использует несколько иную терминологию: «Условное осуждение» (ст. ст. 73, 74 УК). Тем не менее, сущность данного института определяет не условность осуждения, ведь в отношении виновного обвинительный приговор с осуждением вступает в законную силу. Условным (то есть при определённом условии) является освобождение виновного от реального отбывания назначенного судом наказания. Таким образом, «условное осуждение» по УК РФ – это, строго говоря, условное освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы или исправительных работ на стадии вынесения приговора.

Данное обстоятельство принципиально важно для сопоставления условного осуждения и сопутствующих ему правовых требований к осужденному с международными актами. Так, запрещая в ст. 8 принудительный труд, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. не

включает в термин «принудительный или обязательный труд», в том числе «работу или службу, которую должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, **или лицо, условно освобождённое от такого заключения** (выделено мной – В.У.)».

В статистике судимости условное осуждение (и именно к лишению свободы) на протяжении ряда лет преобладает среди альтернативных мер, составляя свыше половины всех мер, не связанных с лишением свободы (для несовершеннолетних – около 60%).

Доля условного осуждения к лишению свободы стабильно превышает долю реального лишения свободы (в отношении взрослых в 2008 г. соответственно 39,4% и 33,8%; в 2009 – 38,2% и 32,8%, в 2010 – 36,2% и 32%; в 2011 – 35,6% и 29,5%, в 2012 г. – 29,5% и 28,8%). Ещё более выразителен контраст между реальным и условным лишением свободы в отношении несовершеннолетних (в 2008 г. – соответственно 51,7% и 22,7%; в 2009 г. – 51,4% и 21,2%; в 2010 г. – 51,2% и 19%; в 2011 – 49,5% и 17%, в 2012 г. – 42,9% и 17%).

Хотя доля условного осуждения в последние годы несколько снижается (главным образом, в пользу обязательных работ, в меньшей степени – за счёт ограничения свободы), всё же в судебной практике она неоправданно высока.

Понятно, что в существующих условиях суды вынуждены реагировать условным осуждением, не желая в принципе лишать осужденных свободы, но не имея в юридическом арсенале фактически исполнимых реальных наказаний. Тем не менее, условное осуждение не входит в перечень наказаний, предусмотренных ст. 44 УК, и в результате законодательно закреплённая модель уголовной политики существенно деформируется. Проблема состоит и в том, что российское общественное мнение, которое, исходя из его исто-

рического опыта, именно реальное лишение свободы традиционно считает «точкой отсчёта» суровости уголовной репрессии, большей частью воспринимает условное осуждение не как испытание, а как своего рода «прощение». Такое восприятие присуще и многим осужденным, прежде всего, несовершеннолетним. Поэтому в судебной практике, нередки случаи двух-, трех-, или даже четырехкратного условного осуждения несовершеннолетних.

Безусловно, что совершенствование иных альтернативных санкций, в том числе в сторону повышения их репрессивности и укрепления правового механизма их исполнения создаст организационно-правовые предпосылки сокращения условного осуждения.

Среди стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях условно осужденные составляют 75-80%. В 2012 г. их было 356135 чел. Рецидивная преступность среди осужденных стоящих на учете в инспекциях, в том числе осужденных условно, по официальной статистике составляет 2-3%, а по научным методикам исследования значительно выше (12-14%). Но в любом случае она существенно ниже выведенных по аналогичным методикам показаний рецидива среди освобожденных из мест лишения свободы (30-50%). И это делает данную альтернативную меру саму по себе более перспективной.

Помимо осужденных условно и осужденных к реальным альтернативным наказаниям, на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях стоят также осуждённые, к которым суд применил отсрочку исполнения наказания. К их числу, согласно ст.ст. 82, 82¹ УК РФ, принадлежат:

- беременные женщины, женщины, имеющие ребенка в возрасте до 14 лет;
- мужчины, имеющие ребенка до 14 лет и являющиеся его единственным родителем;

– осужденные, больные наркоманией, впервые совершившие связанные с этим некоторые преступления, изъявившие желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию.

Среди перечисленных преобладают осуждённые первой группы (женщины). В 2012 г. их было около 8 тыс. чел. Гораздо реже – одинокие отцы с детьми до 14 лет (более 200 чел.) и лица, страдающие наркоманией (около 100 чел.).

Поскольку данные отсрочки весьма специфичны по их основаниям и контингенту осужденных и предоставляются главным образом по причинам гуманитарного свойства, едва ли их можно расценивать как полноценные альтернативные санкции. Тем не менее, поведение осуждённых в период отсрочки учитывается уголовно-исполнительными инспекциями, а при указанных в законе обстоятельствах (например, отказе от воспитания ребенка, отказе от лечения наркомании) отсрочка может быть отменена судом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, нельзя не признать, что с 2008 по 2012 гг., а в особенности, с начала текущего тысячелетия в системе российской уголовной юстиции сделаны важные шаги к формированию большей сбалансированности уголовной политики, придания ей более гуманистического характера. Важной чертой этого процесса является отражённое в судебной статистике постепенное повышение роли альтернативных санкций и снижение удельного веса реального лишения свободы. Причём, на фоне заметного сокращения числа зарегистрированных преступлений и снижения количества осуждённых. Всё это в совокупности, как и накопленный законодателем и правоприменительной практикой опыт введения и использования альтернатив (пусть иногда даже неудачный и непоследовательный) создаёт объективные предпосылки нового этапа альтернативных санкций. В особенности, в русле подготовки новой кодификации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, о которой всё чаще говорят общественные деятели, учёные и практики.

Тем не менее, при существующей системе уголовных наказаний в России, по-видимому, уже исчерпаны сколько-нибудь значимые резервы качественно нового этапа либерализации уголовной политики в направлении расширения альтернативных санкций. Частные, незначительные (на 2-3 процента) «косметические» улучшения, конечно, возможны, но не более того. Сейчас речь должна идти о модернизации всей совокупности альтернативных санкций в тесной взаимосвязи с обновлением всей системы наказаний. Не исчерпывая возможных путей и перспектив, определим прежде

всего те, которые позволят в принципе придать системе альтернативных мер новые качества и инновационные импульсы более широкого применения и развития. Ряд из этих положений уже упоминались выше.

Перспективным путем усиления альтернативности не связанных с лишением свободы санкций является общее повышение максимального уровня их строгости, «репрессивности». На первый взгляд, это не отвечает отмеченной ранее тенденции либерализации, но именно такой путь сделает альтернативные санкции более привлекательными для судов в случаях, когда сейчас они прибегают к реальному лишению свободы. В конечном счете, уголовная политика приобретет более либеральный, гуманный облик.

Повышения строгости альтернативных санкций непременно должно сопровождаться более четким и эффективным механизмом их исполнения. В том числе, посредством формирования полноценной «прогрессивной системы» реализации альтернативных мер.

Среди конкретных законодательных мер расширения и развития альтернативных санкций во всяком случае особого внимания заслуживают следующие:

- отказ от «ограничения свободы» в современном виде как от затратной, конкурирующей с условным осуждением и не влияющей на статистику лишения свободы меры; возврат к ограничению свободы в версии 1996 г.; создание сети исправительных центров для его отбывания на базе существующих и предполагаемых колоний-поселений;

- объединение наказаний в виде исправительных работ в одно наказание – «исправительные работы» – трех видов: исправработы по месту основной работы, исправработы «в иных местах» и бесплатные исправработы, отбываемые в свободное от работы или учебы время (вместо существующих обязательных работ). Значительное увеличе-

ние продолжительности последних до 800-1000 часов (возможно, вначале – по совокупности преступлений или приговоров) с заменой их в случае уклонения в пропорции «один день лишения свободы за один час неотбытых работ». Возможность сокращения срока работ в процессе их отбывания при добросовестном труде и отбытии не менее половины срока;

– отказ от принудительных работ как противоречащих ст. 37 Конституции России, её международным обязательствам;

– объединение наказаний в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненного в одно наказание – лишение свободы, устранение из системы наказаний наказания в виде направления в дисциплинарную воинскую часть, ареста. Либо: ввод в действие наказания в виде ареста, исключительно в отношении военнослужащих с отбыванием его на гауптвахтах;

– изъятие конфискации имущества из Уголовного кодекса (как «иной меры уголовно-правового характера») придав ей (в специальном законе) качество «имущественной меры криминологической безопасности» при совершении ряда преступлений (террористической, организованной, коррупционной направленности). Возложение бремени доказывания законности происхождения имущества на лицо, осужденное за преступление коррупционного характера, если есть достаточные основания полагать, что данное имущество получено незаконно, в том числе в результате актов коррупции (т.е. в порядке конфискации «in rem»);

– повышение минимальной суммы штрафа до 10 тыс. рублей, восстановление возможности принудительного его взыскания в качестве основного наказания, установление возможности замены штрафа при злостном уклонении от его уплаты, вначале – административным арестом до 30 су-

ток, в дальнейшем – обязательными работами пропорционально средней заработной плате в стране и лишением свободы пропорционально неуплаченной без уважительных причин сумме штрафа. Отмена возможности уплаты штрафа за несовершеннолетнего родителями (опекунами);

– возврат института передачи на поруки (условного характера) по преступлениям небольшой и средней тяжести (в особенности в отношении несовершеннолетних) по ходатайствам отдельных, заслуживающих доверия лиц, обеспеченных их залогом.

Отвечая на практические запросы повышения эффективности исполнения альтернативных мер и в полном соответствии с положениями соответствующих международных актов (Токийские правила 1990 г., Европейские правила 1992 г., Европейские правила о пробации 2010 г.) необходимо разработать и реализовать программу общественной поддержки альтернативных мер как важного направления участия гражданского общества в уголовной политике. В том числе, путём организации дискуссий, проведением информационных акций, широкого привлечением общественности (добровольцев) к работе уголовно-исполнительных инспекций.

Реализация этих и иных положений позволит, наконец, преодолеть пока ещё существующий преимущественно пенитенциарный (тюремный) облик российской уголовно-исполнительной системы.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *В. Стерн*. Разработка мер, альтернативных тюремному заключению в странах Центральной и Восточной Европы и Средней Азии. Будапешт. Институт Конституционной и правовой политики. 2002. С. 12.
- 2 В декабре 2011 г. закон ввел новый специальный вид отсрочки отбывания наказания для отдельных категорий больных наркоманией, изъявивших желание пройти лечение (ст. 82¹ УК РФ).
- 3 В 2011 г. в УК было введена ст. 76¹ о таком специальном основании освобождения от уголовной ответственности по экономическим преступлениям, как полное или кратное возмещение виновным ущерба бюджетной системе Российской Федерации
- 4 До него действовал принятый в 1970 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР с соответствующими поправками.
- 5 Предшественником таких учреждений были существовавшие в советское время так называемые «спецкомендатуры», где отбывали наказание условно осужденные из мест лишения свободы и условно освобожденные из исправительно-трудовых колоний с обязательным привлечением к труду. Современным их аналогом являются «исправительные общежития» для осужденных в Болгарии.
- 6 В приведенных таблицах не отражено число освобожденных от уголовной ответственности по упомянутым выше основаниям.
- 7 В 2012 г. законодатель вновь предусмотрел возможность назначения исправительных работ по основному месту работы осужденного, и доля осужденных к этому наказанию в 2012 г. увеличилась с 5,3% до 9,9%.
- 8 См.: Преступление и наказание. 2012. № 5. С. 8.
- 9 На учёте в уголовно-исполнительных инспекциях не стоят такие осужденные без лишения свободы, как осужденные к штрафу, а также военнослужащие, осужденные условно и к наказанию в виде ограничения свободы.
- 10 См.: Концепция развития уголовно исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Рязань. Академия права и управления ФСИН РФ. 2010.
- 11 К примеру, в Разделе 5 прогнозируется увеличение в России к 2020 году общей численности осужденных к наказаниям, не свя-

- занных с изоляцией от общества, на 200 тыс. человек, то есть почти в полтора раза по сравнению с числом стоящих ныне на учете в инспекциях. При том, что в 2010 г. (году утверждения Концепции) была очевидна отраженная в приведенной выше таблице № 3 тенденция снижения общего числа таких осужденных.
- 12 Куликов В. Преступная свобода // Российская газета. 2009. 30 декабря и др.
 - 13 Подробнее см.: Уткин В.А. Реформа системы уголовных наказаний как условие эффективности альтернативных санкций // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 252-254; Его же: Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. № 349, август 2011. С. 128-129.
 - 14 Уголовный кодекс РФ (ст. 91) допускает возможность уплаты штрафов за несовершеннолетних их родителями или законными представителями с их согласия. Эта норма подвергается критике как противоречащая принципу личной виновной ответственности и принудительной сущности наказания.
 - 15 См.: Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. Материалы международной конференции. М. Penal Reform International. 2002.
 - 16 О зарубежном опыте аналогичного надзора см.: Система электронного наблюдения за досрочно освобожденными: оценка действующих программ. М.: PRI. 2002 и др.
 - 17 Зарембинская Е.Л. Создание системы мониторинга подконтрольных лиц ФСИН России // Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: современное состояние и перспективы. Рязань. Академия ФСИН РФ. 2011. С. 37-42.
 - 18 Чершнева Л. Свобода с браслетом // Преступление и наказание. № 6. 2012. С. 2-3.
 - 19 Рахмаев Э.С. Расширяем альтернативы лишению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 11. С. 36.
 - 20 Преступление и наказание. 2012. № 6. С. 2.
 - 21 Кудрявцев А. Ограничение свободы в действии // Преступление и наказание. 2010. № 10. С. 5.
 - 22 Будим Н.М. Ограничение свободы в действии // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 12. С. 24.

- ²³ Рассматривается законопроект, предусматривающий передачу этих функций уголовно-исполнительной инспекциям.
- ²⁴ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // Российская газета. № 75 от 08.04.2011.
- ²⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гейера Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс]: / Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2012 N 301-0-0// Консультант Плюс: справ.-правовая система. Версия Проф. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
- ²⁶ Преступление и наказание. № 6. 2012. С. 3.
- ²⁷ *Уткин В.А.* Подводные камни «электронного мониторинга» // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 44. Томск. Изд-во Томского ун-та. 2010. С. 94-95.
- ²⁸ Новая команда ФСИН проверит контракты Реймера // Известия. 2012. 16 июля; *Титов С.* На «браслетном деле» бюджет потерял 3,7 миллиарда рублей. // Комсомольская правда. 2013. 30 марта.
- ²⁹ *Уткин В.А.* Осужденные в колониях-поселениях. М.: Юриспруденция. 2011.
- ³⁰ См.: *Зубков А.И.* Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М.: PRI. 2000. С. 38.
- ³¹ Институт конфискации имущества в законодательстве государств-членов Совета Европы и в российском законодательстве. Материалы международного семинара. Барнаул. 2008. С. 16-18.